

**ВЕРОНИКА
ШЕЛЛЕНБЕРГ**

**СНЫ
НА СКЛОНЕ ВУЛКАНА**

**Библиотека
омской
лирики**

**ОМСК
2009**

Министерство культуры Омской области

ВЕРОНИКА
ШЕЛЛЕНБЕРГ

СНЫ
НА СКЛОНЕ ВУЛКАНА

Книга стихов

ОМСК
2009

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 821.161.1-14

Ш44

Шелленберг В. В.

Ш44 Сны на склоне вулкана. Книга стихов /

Вступ. ст. Ю. Беликова. – Омск, 2009. –

104 с. – (Б-ка омской лирики; Вып. 9).

ISBN 978-5-91813-004-9

В сборник известной омской поэтессы Вероники Шелленберг вошли избранные стихотворения 1999–2009 гг.

«Исполненная внутреннего драматизма книга... оставляет надежду для заблудших и завет для преображённых», – написал в предисловии к ней поэт Юрий Беликов.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 821.161.1-14

ISBN 978-5-91813-004-9

© Шелленберг В.В., 2009
© Министерство культуры
Омской области, 2009

ОПОЗДАВШИЙ УСПЕВАЕТ

– Как бы я хотела жить там! – потянулась она всем лицом через сабельно текущий Енисей, на противоположном берегу которого высились величественные останцы.

А лицо Вероники всё уплывало и уплывало к их вершинам, туда, где «просвета синяя полоса» и где можно восклицательно выдохнуть: «Боже... сколько тебя сразу...»

Читающий эту книгу найдёт в ней россыпи оговорок про горы: «Плыть горой в дожде», «Горы над нами соразмерны душе», «Потому что мой корень – гор...»

Да, окончание её фамилии – «берг». С немецкого – гора. Может, поэтому в жизни своей Вероника предпочитает подъёмы, а если шире – преодоления: в устрашающе-веселящей Катуня, где единственное «твое продолжение во времени и в воде» – весло. Или – верхом на дымящемся скакуне, или – в усиливающем разлуку поезде, когда прошишь не то проводника, не то отнятого возлюбленного: «Дай мне верхнюю боковую неба вдоль». Или – в Слове как таковом, когда невозможны банальные рифмы и ты сочетаешь: «Автобусе – унесло бы всех!», «Норов – норах», «Не скоро – мирского».

Ритмический рисунок некоторых её стихов своенравен и непредсказуем, как взмахи того же весла в бурной и порожистой воде (взмах – рифма, а может быть, и пропускной, потому что взмах излишен – река выносит сама). «Разветвление пейзажа» (то охра, то умбра) не забыто в унисон завету Заболоцкого: «Любите живопись, поэты!»

И – постоянный поиск ключей: от дома ли («Ключи, потерянные осенью, в весенней луже обнаружатся... И надо же – у самого крыльца»), от доступа к Богу ли, права Его понимать: «Подчиняться внутреннему зову, повороту Твоего ключа...»

Потому что, когда «поворот» происходит, открываются тайные знания. Например, о том, что «Чуть дальше небес будет ещё земля, где

не мешают друг другу люди и тополя». Или – «Но будет день, распахнутый глубоко не в будущий, а в первобытный свет...»

Поэтическое ясновидение – не фиксация одностороннего движения Времени, свойственное большинству говорящих стихами, а уловление смены его течения, допустим, в обратную сторону и, вообще, в любую, становящуюся руслом, – одна из характерных черт этой книги, предназначенной не всем, а только тем, кто «опоздал» за поверхностным потоком человеческой массы:

*Давно прошёл назначенный мне час.
Пустой вокзал, а может, – век, не знаю.
Я опоздала так, что в самый раз
на следующий поезд успеваю.*

Не всех впускает Сад, завещанный Господом. Но сие не означает, что пути сюда заказаны для тех, кто сделал этот Сад запущенным. Исполненная внутреннего драматизма книга Вероники оставляет надежду для заблудших и завет для преображённых:

*Кто-то ведь должен
стараться полить целиком
детским ведёрком –
огромный запущенный сад.*

*Юрий Беликов
поэт, критик,
член союза российских писателей.*

**НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ
ТВОЙ ПЕЙЗАЖ**

* * *

Время от времени
не бойся нырять под лёд.
Чтобы до одури
захотелось дышать,
просто дышать,
гореть огнём,
вертеться веретеном,
строить дом,
выращивать виноград,
пить молодое вино...

Настолько
под крышкою льда ледяно.
До моментального сведено
время...

...от времени
не забывай летать надо льдом,
глядя как водоросли
колышутся в глубине.
И от тебя удаляется,
удлиняется дом
в гортанное *до*,
и ветер
лицо холодит
вдвойне.

А время от времени –
прозрачный вроде момент,
я эту хрупкую твердь,
эту корочку льда ощутить не могу –
вроде бы есть она подо мной,
а вроде бы – нет...
И над бездной,
 простому дыханию рад,
дом берегу,
 выращиваю виноград.

* * *

Незамысловатый Твой пейзаж,
тронутый то охрою, то умброй,
тонко проявляется под утро,
веточки берёт на карандаш –

разве это сразу передашь?

Научи хотя бы замечать!
Подбирая колер бирюзовый,
подчиняться внутреннему зову,
повороту Твоего ключа –

жить, не просто красками бренча.

Остро зеленеет мир – наверх.
И на веру принимая лето,
я рисую трепетное это...
Стрекоза сидит на рукаве...

Мирно я брожу в Твоей траве.

Научи хотя бы сохранять
то, цветное, превосходство тыла,
над второй природою постылой,
выдвинувшей крошечную рать –

где уж ей с Тобою воевать!

Разветвляй пейзажа благодать,
тронутого охрою и умброй,
на сетчатке глаз, на коже грубой,
чтобы я могла Тебя понять...

Плыть горой в дожде,
в Тебе – сгорать.

* * *

Рассвет не жалеет спелых
яблок янтарных.
За всё, что было и не было, —
я благодарна.

Угаснет фонарь последний,
рассветом сорван.
А всё, что было и не было, —
только сон мой.

И тут же ни сном, ни духом
жизнь пролетает.
И яблочный запах — пухом.
Ну что ж, бывает...

Созревшая плоть опадает...
А семечка малость
спасает одна благодарность.
Одна благодарность.

* * *

Марине Цветаевой

Не вернуть
под корень стёртого
карандаша.

И ничьей
под корень срубленной
судьбы

не восстановить...
прости, душа!

За горбы,
за вёрсты,
за столбы.

Отцвела
нетронутая
бузина.

* * *

Спичкою – чирк!
Потрясён коробок.
Тонких лучинок
сухой говорок.

Что ж ты, дурак,
только душу растряс!
Был березняк,
были тополь и вяз.

Остановилось
течение смол,
задран, ободран
зелёный подол.

И – штабеляком –
голова к голове...
Эй!
Угости огоньком!
Слышишь?
Это тебе.

* * *

Однокрылая бабочка – дверь –
трепетала в потоке
сотен рук, будто билась под током,
а другая, в соседнем дворе,
точно так же рвалась над порогом –
однокрылая бабочка – дверь.

Половинки на разных осях
отмахав, отскрипев полукругом,
сквозь толпу замечали друг друга,
и теряли опять, голоса.

А во сне улетали вдвоём
тихо-тихо поющие двери,
и в каком-то заброшенном сквере
открывали невидимый дом.

Выше окна успели зажечь
те, кто ждал и дождался кого-то...
...а всего-то и надо, всего-то...
опустевшую ночь
пересечь.

* * *

Это станет землёй,
ну, конечно – землёй...
и травой...
круг очерчен уже, подытожен.
Только кто же тогда
в серебристой прихожей
перед кругом зеркальным
качнет головой?

Полно!
Полная вздрогнет пред нами луна,
и верховная
зазеленеет волна...
Всё, что здесь не успели – начнётся.
По земле и траве –
по тебе и по мне
лёгкой поступью дальше пройдёт.

Так финальные кадры
берёт режиссёр
в круг, что всё уменьшается...
(в зале – пустеет).
В круге – двое.
Они, безусловно, робеют
и поэтому
вечность берут на измор.

Вздохнёшь,
о воздух горло стачивая...
Сдвигая
будто глыбу серую,
я тяжело, но всё же верую,
что где-то
будет всё иначе...
в садах течёт вода живая...

Ключи со скрипом поворачиваю
и открываю.

* * *

Руки любимого,
сотканые из звёзд,
несут меня над землёй.

Ветер
освистывает деревья,
перемещает сияющие города —
сверху это отлично заметно...
А солнечный ветер
траектории спутников гнёт...
Но только не моего!

Моего
надо ещё удерживать, уговаривать:
остановись, остынь!
Хотя бы над Тихим
и Атлантическим...

Чувствуешь —
грядёт глобальное потепление?

Настолько
губы любимого
горячи...

* * *

Это между ударами пульса
прыжок затяжной...
Укрупняется мир –
до структуры,
до божьей коровки...
И... опять с высоты неразборчив,
движенья неловки...
Глухота...
Ослепительный свет...
До озноба свежо.

А всего-то лишь – еду к тебе,
и автобус трясёт,
толкотня, да бубнёж,
да билетик давно обронила я.
А на пыльном стекле
чуть заметное светится: «милая».
Я угадываю –
это той же судьбы поворот.

Пульса взлёт...
Ну, не странно ли, что
даже в душном кружении,
в этом несовпадении, гаме,
земном притяжении,
будто тайные знаки
куда-то в места родниковые
эти светлые милые,
между собой не знакомые...

* * *

Суховой меня сморил,
сухой – состарил.
Жилы досуха скрутил.
Душу измытарил.

Непокорная гора
поклонилась озеру.
Вместе были мы вчера,
а теперь – разрозненны.

* * *

Связь обрывается сотовая,
и паутинка сотканная
за лето... и наша связь
тонкая – оборвалась.

Солнечное, безветренное
льётся тепло – и нет его...
Хрустят листочки на дне
в сухом осеннем вине.

Достигнет волна увядания
и тополя пирамидального,
как бы он ни был упрям
под натиском октября.

Повремени, пожалуйста,
снежная жесть – не из жалости,
а из любви к листу,
последнему на посту.

Связь обрывается сотовая,
и паутинка сотканная...
на самом-то деле – да!
удерживала холода.

* * *

Молчание в духоте
больничное – для чего-то...
Но эти крылья – не те,
и эти – не для полёта.

Двустворчатое окно,
задворки да воробьишки...
Молчание... Вдруг оно
затягивается слишком?

Больничная пелена
для голоса и для ока...
Да та ли это луна
дотаяла раньше срока?

* * *

Как же мы хищно
друг друга при встрече не ценим!
Всё-то мы ищем
от собственных бед панацею!
Требуем, кланчим печально,
а нет – промолчать бы...
Все – изначальные чада,
и тут же – исчеза.

«Ты отвечай за себя! –
прорычит мне тигрица, –
а не примазывай
всё поголовье зверинца!
Ты б ещё льва
попрекнула бы мышью-полёвкой...»
Да! Не права...
Но и правую быть – так неловко...

Я бы сама
притупила клыки и язык свой.
Я бы вполне обошлась
без словесных изысков.
Лишь наострила бы уши,
поислушные речи.
Острые уши,
ещё не совсем человечьи...

* * *

Е. Ф.

...вот мы с ним притулились
в троллейбусе,
насквозь промёрзшем,
говоря о каких-то
забытых английских
новеллах.

Продышал он окошечко
крошечное...
и спокойно

проследив за огнями,
сказал совершенно некстати:

«Я же место купил для себя
возле мамы,
на кладбище...
Правда!
Три и семьдесят пять –
такая, представь себе, мерка...
Кто-то ж высчитал, а?
Три и семьдесят пять –
человеку.
Но теперь уже точно
с мамою
буду рядом».
И – «Твоя, – говорит, – остановка!»

И взглянул так по-детски счастливо,
по-детски прозрачно,
будто в честь Рождества
до полуночи свет
разрешили оставить...

Ну, конечно, конечно,
моя остановка...
Ну, конечно,
Из такой пустоты необъятной,
вселенской,
три и семьдесят пять
можно выкроить для человека!

Ну конечно,
там,
во тьме ледящей,
кромешной,
возле мамочки
всё же немного светлей.

* * *

Слова лиши и хлеба,
глиной забей уста,
только, прошу, не требуй,
только, прошу, оставь

тем, кто дороже крови,
плечико и крыло...
Жилке височной вровень
бойкой – Твоё тепло.

Господи! Мне не надо
речи, когда она
горестная расплата
плечика и крыла.

* * *

*Роману Солнцеву
и Александру Казанцеву*

Солнечно день завершается,
а серым казался.
Солнцев Роман улыбается
и Саша Казанцев.

Майским цветеньем одетая
зелень бесстыжа –
не до того, не до этого –
своё-то поближе!

Из Енисея, безусое,
пьёт у стремнины
солнце, кроваво закусывая
стальной осетриной...

Всё это вертится, мается,
ждёт новобранцев...
Солнцев Роман не прощается...
...а Саша Казанцев?!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Ничего, что я с тобою
говорю, как бы во сне?
Всё, что скрою, всё, что с кровью
в жарком лиственном досье

подожди... Предъявит осень,
пересмотрит и сожжёт.
Ей-то что летящих оземь
наших тайн круговорот.

И скривит улыбкой губы,
губы, ждущие зимы,
первой изморосью грубы,
вопросительно немые.

Только мы держать ответа
не умеем до сих пор,
и вердиктом лазарета
зимний кажется простор.

* * *

Я только подумала –
«Слишком тепло...»
И тут же дождя ледяное стило
стирает границы предметов.

Теряются мокрые листья в саду,
и я, растерявшись, обратно иду
по-летнему тонко одета.

Шафраны ещё по привычке яркие,
оранжево крепкие, как позвонки
сквозь тело тепла проступают.

И тает тепло, – ты о нём не тужи,
и дождь, на лету замерзая, кружит,
и падает он, и не тает.

А разве бывает,
чтоб слишком тепло?
Пригреешься только –
пургой замело...
Последними – эти шафраны.

И перемещается лето туда,
где южные скалы утюжит вода...
Но как же внезапно и рано!

ЗИМНЕЕ

Утро открывается, смотри:
снежное снаружи и внутри...
И от чистоты больших снегов
я хочу любить своих врагов.

Нет, не на спор, и не сгоряча,
не на зло, не с барского плеча,
просто что-то ёкнуло, свело,
там, в душе, где чудно и светло...

А враги не знают, и – пускай,
пусть друзья покрутят у виска.
Мне самой такого не понять, –
это же не блажь, а благодать...

Может, кто-то из моих врагов
тоже полюбить меня готов.

* * *

А не плохо бы вдвоём
жить из ниоткуда...
На ветру построить дом –
трепетное чудо.

Чтобы даже и в метель
плыл бы дом – пробелом,
и стелилась бы постель,
и свеча терпела.

Чтобы летних трав настой
В доме воздух чистил –
дух ромашковый, густой,
и тысячелистный.

Золотистый полумрак
наши тени комкал,
и читался Пастернак
наизусть, негромко.

Заячий петлял бы след
около порога,
и примерно сотню лет
нас никто не трогал.

Только раз, один лесник,
с сединою волчьей,
взять пришёл бы дробовик
да исчез бы в полночь.

* * *

Небо белое, пустое...
Не хватает голубей.
Над заснеженным простором
жизнь пернатая – грубей.

Жизнь пернатая короче
голубинога шажка,
на январском насте прочном –
пацифистского флажка.

Из любви к какому миру
так теплом не дорожишь?
И взлетаешь сизокрыло,
расширяя виражи...

А в ответ – обледенелый
мир обнимет, обоймёт...
Голубь сизый... голубь белый...
Кто там снизу разберёт...

* * *

В четыре утра телефонный рожок:
– Мой друг, в окно посмотри!
Там первый снежок, первый снежок...
Не надо, не благодари!

– Я видел, я знаю, я только вошёл,
проснеженный, как снеговик.
Мне тоже не спится и так хорошо...
я, честно, от снега отвык!

А сколько сегодня напишут стихов,
по снежной пройдясь чистоте...

– А ты?

– Что за глупости, я не таков,
нужны ли слова красоте?

Накинь-ка дублёнку на рыбьем меху,
друг другу навстречу – пойдём?!
...решает ли кто-то за нас наверху –
не важно, пока мы вдвоём.

* * *

Снежные мосты воздушные
летят над нами, между нами,
городами,
вместо городов
кружатся, рушатся, и тут же,
будто кто встряхнул,
перевернул прозрачный
шар со всею этой белою крупюю,
стружкой ледяною карандашной,
грифельною крошкой
крыш, кварталов,
золотистою искрою.

Снежные мосты воздушные –
от сердца и до края.
Снежные мосты,

* * *

В сторону зимы, разлуки вдоль,
в плацкартном поезде,
о нежности твоей забыть пора бы...
Клочковатый снег,
но запечатано окно,
от духоты меня уволь!
и вот на несколько минут
разрешено –
буран, Барабинск.

В нежности оборванной – ожог,
как будто губы на ветру
в железо вжал, не удержал,
а губ не жалко.
Шар, хрустальный шар зимы,
растресканный тоской,
а там, внутри,
на узкой полке боковой –
темно и жарко.

Нежные
придумали дышать
друг другу вглубь
за отворот души и свитра
сколько можно
жадных рук не разжимая.
Западно-Сибирская
железная дорога –
это в сумерках свистящая
одна из очень многих-многих ран...
и рано утром – ножевая...

* * *

...на Урале тонкий снежок
стёкла обжёг...
сквозь Кордон и Кунгур,
сквозь Курган
тот же рыжий вокзал
занимает вакантное место заката,

и опять виновато
станционный смотритель
от дочери ждёт письмаца.

На скорости
не разглядеть
лица.

* * *

Давно прошёл назначенный мне час.
Пустой вокзал, а может, – век, не знаю.
Я опоздала так, что в самый раз
на следующий поезд успеваю.

* * *

Это чистая радость побега –
потянулась за снегом рука.
В декабре перебежёмся без снега,
а в апреле – никак.

Так и хочется встать на колени,
разбирая постскриптум зимы,
так и хочется в тундре оленьей
раскурить голубые дымы.

И рвануться – следами, слезами,
прожигая зимы полотно.
И жалея, и тут же терзая
снег, сольющийся с небом в одно.

Снег, стреноживший это цветенье...
Стой, весна, закусив удила!
Я ещё не промёрзла предельно,
я ещё до конца не бела.

* * *

*Михаилу Тарковскому
и Юрию Беликову*

Дождливо где-то там,
в степи и в ностальгии.
А здесь Урал – фонтан,
мы перед ним – нагие.

Тарковский, на просвет
светящийся, как соболь.
Он аурой примет
приговорён особо.

А Беликов – матёр!
Двужилен, горд... волчара!
Наш беглый разговор
не прокрутить в начало.

«Сибирь... снегирь... беда
с тобой брюнетка... гладко
струишься, как вода...»
«Кошачья статья, повадка!»

«А может где-то...» «Где?»
«...по наши души, точно...»
в подвальной духоте
скорняжий нож заточен...

Свисти же, снег, в шерсти!
Жги, лунный ангел, – справа.
Успеть бы замести
следы
до ледостава.

* * *

Острее тоска такая,
когда и причины нет,
будто бы, окликаая,
плачется кто вослед...

И в этот момент – лоскутный
мир мой трещит по швам,
и холод из ниоткуда,
и странно, что я жива.

А вдруг разорвётся ветошь,
а там серебрится пустошь?
Исчезли стороны света,
но это ещё не ужас.

И где же твои там-тамы?
Отгрохало. Отбренчало.
И ты один, ты один там.
И это ещё начало.

* * *

Но будет день, распахнутый глубоко
не в будущий, а в первобытный свет,
где нет ещё ни речи, ни пророка,
ни словаря придуманного нет...

Там стонет пращур, залитый слезами,
настраивая «флейту позвонков»
пред *образами*? Нет! Пред *образами*
воздушных, непроявленных стихов.

* * *

Возле брошенного дома
притулился одинокий
фонарь.
Вплоть до самого рассвета
жёлтый колокол качается,
как будто кто глухой звонит, звонит,

А женщина...
 женщина –
 основательная половина.
Под ветром странствий и перемен –
материк,
 прорезанный реками вен.

Ручки детской,
 ножки детской следок,
обведённый контуром
 на листке тетрадном –
это женский
 седеющий,
 выпадающий волосок.
И ещё и ещё один...
 О, как же сынок высок!
Но где бы он ни был –
 всё же вернётся обратно.

* * *

Всё, что восходит долго
под действием чистой росы,
они покупают дорого –
волосы и часы.

Но кто *они* и откуда,
смеющие платить?
Распухший кошель Иуды
тяжелеет в пути...

Дыбом встающие космы
путают верх и низ,
когда пульсирует космоса
часовой механизм.

И не возвратить обратно
ни стрелки, ни волоска...
Им тоже это понятно,
не страшно просто... Пока...

корабля перевёрнутого...
(всею командой – сгинь).

Вот и сосны мачтовые
корневищами вспять.
А могло иначе быть...
Нам ли не выплывать!
А могли, могли бы...
Но в глубину фрегат
Опускается глыбой...
И кто уж там виноват, –
рулевой забулдыга
или смотрящий вперёд...
Безразлично рыбам,
разевающим рот.
А когда уже выжраны
зелёные, как трава,
глаза смотрящего,
рыбная татарва
уплывёт, посверкивая
ледяной чешуёй.
Смерти нет, наверное...
Боже ты, Боже мой!

3

ЧЁРНОРАБОЧИЙ

Чёрной ночью в чёрном-чёрном лесу
(в том лесу постоянно чёрная ночь)
в чёрном доме один человек не спит.
Он совсем один...
не затеплит свет, не затопит печь.
По тропинке чёрной к нему бегу,
я бегу – усиливается стук,
стук от чёрного его молотка,
с бормотаньем, посвистом, хрипотцой,
слов не понять...

Не понять, где лес переходит в дом...
Отсыревшим углем скрипит порог,
или нет? Но чувствую, как во тьме
самосад ядрёный смолит, смолит,

чёрной стружкой пахнет,
и на верстак
доски чёрные глухо бухают в ряд.
Вот теперь он должен был закричать:
«Отдай мне сердце!»

– Ну, чего тебе? –
слышится тихий вздох, –
что, не видишь, работаю...
– Нет, а что?

– Навострился делать я
...тук-тук-тук...
чёрный гроб.

Не какой-то там
чёрный-пречёрный гроб,
а вполне аккуратный,
квадратный гроб,
чтобы в нём удобно было
...тук-тук...

лечь на правый, к примеру, бок.
Подтянуть колени и,
...тук-тук-тук...

щёку притулить на ладонь.
А то, ишь, повадились!
...тук-тук-тук...

Мертвечину в землю мою швырять!
Миллионов сорок гробов назад
прикатило
шевелиющийся ком,

где там чьё – не понять...
Так что сердце твоё
мне не надобно!

А скажи-ка лучше мне
...тук-тук-тук...
я усну когда ни будь?!
...тук-тук-тук...

Всё стучу, раскладываю,
хороню,
самокрутку одну от одной палю,
вот ты спишь сейчас –
я не сплю!

* * *

Око моё – тайга,
расширенное в небосвод.
Ночь пустилась в бега...
кто-то следом уйдёт.
Вечнозелёный свет...
что же нужно ещё?
И тот, кто купил билет,
дорогою поглощён.

Да, мой друг, только так –
расстаёмся без слёз,
под переменчивый такт
Санкт-петербургских колёс.

Око моё – тайга...
глушь тунгусских широт.
Метеорита дуга
небесное веко жжёт.
Реет орлан-белохвост,
реже – аэроплан...
А тот, кто ушёл всерьёз,
просто канул в туман.

Да, мой друг, только так –
уезжай, не жалея,
там без тебя сквозняк
платиновых дождей.

* * *

А я раздарила картины –
и охры, и ультрамарины...
И где они нынче, – не важно,
висят и глядят пейзажно.

Но если однажды собрать их,
таких непохожих собратьев,
увидишь –
будто родимым пятном,
они совпадают в одном –

грозится ли облако, жжётся листва,
небо Успения ли, Покрова, –
в верхнем левом углу – всегда
тайно горит звезда.

* * *

Художник – рисуй!

Сальвадор Дали

В который раз
всё заново начни, –
карандаши цветные
очини.

Очнись, душа!
Цветущий этот вид –
цветущий миг –
он не повременит.

Рисуй, рисуй
зазеленевший зной,
(ещё в тени
не спрятаться резной)
тот первый жар,
весенне-летний чад,
где леденеет
яблони свеча.

Она плывёт,
и в сумерках видна...
И облетает
медленно она
куда-то вверх,
в открытый синий цвет,
такой простой,
что проще – просто нет.

И в невесомости,
прохладны и легки,
летят, летят,
мерцая,
лепестки.

Ф.И.О. ЛЕТА

ДЖАЗОВАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

Аркадию

Ты напеваешь без слов,
ты отбиваешь такт,
раскачиваясь мерно,
как плавучий маяк,
сигналивший на тысячи миль
подлодкам и кораблям.

Вот так
оранжевый, мажорный,
спасательный круг
ты бросаешь, мой друг.

Глаз бури удивлённый,
невинно-голубой,
расширяясь, начинает
следить за тобой.
Ты напеваешь без слов —
утихает ураган.
Он, конечно же, тебя проморгал...
друг мой.

И вот тогда твоя порывистая
чистая тень
по океанам, по равнинам,
по лицам людей,
скользнёт по лицам, оставляя
выражение слов:
«Каким попутным ветром
его занесло?!»

Друг мой,
то, что ты умеешь летать,
я открыла весной.

Давай-давай, не останавливайся,
не замолкай,
этот край на самом деле
не предел и не край!
Маячь, маши крылом, насвистывай
какой-нибудь такт...

Друг мой,
то, что ты умеешь летать,
я знаю наверняка.

ДОМ У ДОЖДЯ

Детства двор,
а верней – задворки
в мокрой листве
до пятого.
С первого
не заметно кромки
в струях дождя
невнятного.

В сон мне –
виниловая пластинка,
ночь
в царапинах улиц,
сорванный голос...
Твоя былинка
деревом обернулась.

Вот она,
плещущая зелёным,
старых домов причина:
чтобы вернулось
опять *зелёным*
то, что давно –
лучина.

Не разобрать
слова...
И не надо.
Голос винила
хрустнул,
где-то на пятом,
опять на пятом,
корочкою арбузной.

Сердце болит,
но пощады не просит,
не ждите!
Просит: порвите скорее
суровые нити,
пути уюта
и старые тесные сети!
И сердце ответит,
другое сердце ответит.

А синий шар летит...

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА НА ВЕСЁЛЫЙ МОТИВ

Такова моя жизнь,
жизнь моя такова –
режут низко стрижи
воздух на рукава.

Постыдись! Надевай
лета душный покров.
А мне мерещится май –
обнажёнка ветров.

О, как же я тебя целовал!
Зачем же я тебя целовал?
Неба серебристый овал
не помню – подарил ли, украл.

Такова моя жизнь,
жизнь моя такова –
промахнутся стрижи –
полетит голова.

* * *

Лето, лето, головокружение,
радость пряная – неужели я
дотянула до лета...
Как бурлак.
Дотянула по берегу чёрной Леты.
Плечи резал ремень ветра
и вот
от пота обмяк.
Я упала в песок,
чихая от солнечной пыли,
и увидела там, высоко,
над рекой забвенья,
надо мной...
Белые птицы плыли,
а река
увеличивала
отраженья.

* * *

*Реальный случай.
В центре Омска один художник
шёл со своей картиной
через милицейское оцепление,
поджидающее серийного убийцу,
которому, кстати,
досталось по заслугам...*

Картина не продана...
Утром на площади
мерзкий ветрище, дождище, досада...
Картина – да вот она:
шмель, шевелящийся
в чаше цветочной
медовой, бордовой,
в преддверии сада...

А тут в оцеплении
в оцепенении
форменно мокнут
унылые стражи порядка.

ИЮЛЬ В ОМСКЕ

Горят сердца,
горят путёвки, туры,
душой горят
работники культуры,
и в пот бросает
раскалённый Омск.
«Пойдём в киоск?»
«Пойдём в киоск!»

Как тут ни пить
квасок и минералку,
и на песок
без памяти, вповалку,
как тут не падать,
носом шевеля...
Ах, тополя!
Пушатся тополя.

Горят, как жар,
(банально, но бесспорно)
пять куполов
на площади Соборной.
В кинотеатре «Секс...»,
почти что порно,
сам Маяковский
покраснел, как рак.
Да, от стыда сгорают классики,
вот так!

Вот это век!
И что б сказал Ермак?
А мы пойдём,
усталые, по Тарской,
возьмём мороженое мы
за все мытарства.
Проверим,
горячо ль Земли нутро,
когда проруют
Омское метро.

* * *

«Всё по шесть рублей,
даже газвода!»
вслушаешься – нет!
«Дамы, господа!
всё по шесть рублей!» –
так-то вот кричит
продавщица мелочи,
кошмарная на вид.

И откуда только
ёршики берутся?
Штопоры, прихватки, эти стельки,
вот вопрос!
Отчего же господа
рядом не толкутся?
Дамы от прищепок
почему воротят нос?

«Всё по шесть рублей –
это ж ерунда!
подходи смелей,
Дамы, господа!»

Над базарной площадью
голуби истаяли...
Были б господа попроще –
мелочи не стало бы!

И откуда только
господа берутся?
А всё равно за шесть рублей
кому-то продаются...

Ершик позолоченный,
штопор бриллиантовый...
А глядишь – просроченный,
а берёшь – захватанный!

* * *

Вот мы, ценители сонетов,
вершим какие-нибудь вирши,
а возле биотуалетов
угрюмо горбятся кассирши.

Вот мы таланты зарываем
и пропиваем по пивнушкам.
Потом бежим и отливаем
почти в подол почти старушкам.

Их возраст неопределенный
в цветастых платяницах немодных,
стоит, как запах раскалённый –
особняком, но принародно.

А может, скоро ли, не скоро,
как в притче – нет пути обратно,
мы, прихлебатели мирского,
здесь
в телогрейках встанем ватных.

И вечером... нет, не за хлебом,
пойдём, хромя не красиво,
стараясь не смотреть на небо,
на этот синий,
синий,
синий...

* * *

После бури
пахнет кровью древесной.
Тополь свергнутой
оказался таким огромным...
Распластался
вместо собственной тени.
Тень стоит в ногах
и уйти не может.

ГОД 2009

На западе Африки
экзотикой и не пахнет.
Птицефабрика. Графики-клетки.
Антикризисные порядки.
По цыплячьему жёлтому полю
идёт, как пахарь,
разнорабочий,
надевая резиновые перчатки.
Отлистайте назад –
в букваре на форзаце
алфавитная «Це»
с этим глупым, глазастым
птенчиком – в два кружочка,
а потом Черепаха,
Шарик воздушный, и – в конце
Ящерица или Яблоко...
или смерти отсрочка.

Модное слово «кризис»
не вызывает шок,
Аист Африки место своё
иногда уступает Арбузу.
Но – кризис!
И крохотных желторотиков
живьём утрамбовывают в мешок,
для умерщвления.
Потому что выросли цены
на кукурузу.

А букварное «Ща» –
это Щавель и ЩАстье
для дураков...
В умерщвлении –
изощрённая узкая щель
для последнего вдоха.
Цыплята царапаются, пищат...
И на всех не хватает мешков.
Для безработных текстильщиков
это даже не плохо.

* * *

Омск,
он
меньше всего – каторжанин.
Свобода дышит рывками
сквозь поры державы.
Но камень Сизифа
принял ли кто-нибудь
так тяжело на грудь,
как Земля...

Сибирь –
сиплая Родина...
Сизая Родина...
Голубка моя...

* * *

Какое шикарное лето
мелькает капустницей белою
над фиолетовой клумбой...
Какие слова!
Для шершавых сибирских
обветренных губ
непривычны, но мёду подобны...
И хочется быть
загорелой и глупой.

Петунии, настурции, терции...
Птичьи тельца
растворяются в мареве синем,
вибрируя часто крылами.
О, ангелы лета!
Воробышки, бабочки, осы,
витайте-летайте,
на лётном своем языке
говорите над нами!
Успеется стынуть,
ютиться и зябнуть,
сжиматься и в щель забиваться,
метель коротая.

О, зяблик, воробышек,
если нельзя нам
взлетать,
то хотя бы позвольте стоять
в освещении рая —

в уюте петунии, настурции, мальвы...
Ворочать в гортани язык,
что ещё не оттаял...
Узорные тени следить...
По сибирской привычке
тепло оставлять про запас,
как любовную тайну.

* * *

Открой глаза, не спи,
всё это только снится,
а может быть, и нет —
кто может дать ответ?
На серебристый склон
взбегает ковылица —
ковыль моя трава,
луны волнистый след.

А утром сквозь туман
смятением пахнет мята,
волнуется ковыль,
бобыль глядит смурно...
А женщина вдали
ни в чём не виновата.
А может быть, и да —
но это — всё равно...

Раскован летний бег,
рискован бег весенний,
подковы ковылиц,
круша глухую тьму,
на счастье отлетят,
и это повторится...
А почему бы нет —
хотя бы одному...

* * *

Дрогнула мокрая цветущая сирень.
Дождь на наши головы
ещё раз.
Ещё раз шёпотом –
*что же ты меня
предаёшь, маленькая...*

А вокруг сияющая сирень,
над тобой сияющая –
больно смотреть...
Посмотри в глаза мне...
Больно смотреть.

Вот тогда бы сердце
остановилось... Тогда
тронул ты, царапая,
по щеке.
Милый, это родинка,
её не стряхнуть...
Дальний, дальний, дальний
замедленный гром.

*Радость моя, что же ты,
вот так и уйдёшь?*

Дальний день замедленный,
губ сухой ток.
Белая-белая, промытая навек,
цветущая над нами –
и уйдёшь от меня?

А ничего-то не было
горше и сильней.
Белая-белая
дрогнула сирень.
За оградой поворот
в солнечном чаду.
Подожди, не уходи!

Всё равно уйду.

* * *

Не медли,
последнее солнце для нас выбирая.
Не надо заката,
не надо бравады огня.
...Светились бы матово
пыльные стёкла трамвая,
в звенящее утро
трамвай увозил бы меня.

Звенящее утро утраты...
Не будем друг другу
дарить на прощанье
закатную фальшь позолот.
...По стеблям сияющих рельс,
непрерывно-упругих,
как божья коровка,
на небо
трамвайчик ползёт.

Не медли!
Навалится день и отменит решенье,
задобрит, задавит, закончит
луной на нуле.
Давай расставаться,
пока ещё есть продолженье
и сердцу, и солнцу,
и даже трамвайной
петле.

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Не будет нам ни рая, ни покоя,
ни дантовского ада... что с того?
Нам суждено ромашковое поле
за то, что мы придумали его.

Как будто бы из пены возрождаясь,
мы вынырнем из белых лепестков,
как солнца луч, как золотая завязь,
как долгий

взгляд ромашковых глазков.
И всё, что было сорвано и смято, —
нетронутым потянется к весне,
и все, кого любили мы когда-то,
цветущими
увидят нас во сне.

ЧУДЕСНАЯ ДУДА

Мне дудочка подарена —
чудесная дуда.
Талантлив ли, бездарен я —
играю без труда.

В ней дырочки проверчены
для музыки любой —
для музыки про вечное
и про кораблик мой.

Кораблик мой по лужицам
начерпает воды,
завертится, закружится
под музыку дуды.

Под музыку негромкую
его я сделал сам,
и синею каёмкою
приблизил к небесам.

А заиграю весело —
и ливень зазвенит,
и вместе с этой песенкой
кораблик улетит,

и где-то там, по лужицам
начерпает воды...
Завертится, закружится
под музыку дуды.

* * *

Дочку пораньше домой позвала –
беспризорные одуванчики
уцелели.

АЙ-КИ

1

Третий день.
Рыбачим на берегу.
Ничего себе
шустрят караси!
Как воробышки,
налетают на мякиш кишмя.
Белый мякиш
в кармане катаешь
ты
на озере Ая.
Стрекоза парусит поплавок.
Клюк, подсечка, рывок!
Не ори, дорогая!
На всё озеро – ай-я!

Ливень
пляжников смысл
и матрасников смысл,
мы остались одни
подчистую на Ая.
Трепыхучую мелочь
с ладони обратно бросая,
иначе б – ведро!

Ливень был
и – прояснилось.
А полночи лило и лило,
чтобы ты согрелся,
к сердцу меня прижимая.

Пятый день.
 Идти никуда неохота.
 Напешеходились по
 раскалённому
 (если б пекло так вчера!)
 Чуйскому тракту.
 Возле озера рухнули
 в тихой нетоптанной бухте.
 Лягушку спугнули,
 она
 расквакалась, как заполошная.
 А потом ничего, успокоилась,
 важно пошла нараспев,
 с расстановкой.

Видно, дала себя знать
 холодная царская кровь.

А всё-таки хорошо
 под ливнем и в шалаше
 на скорую руку из
 веток еловых.

Дальний берег исчез,
 река и окрестный лес,
 только не смыло нас,
 а могло бы!

Шаткий шалаш навесной,
 ливень, ай, ледяной
 змейкой за воротник
 нет-нет, а достанет.

До дрожи прошибло аж,
 но держит ещё шалаш
 на честном слове и
 красной бандане.

О, если бабочки –
 так сразу целой тучей!
Как над Катунью
 в час их однодневный
они висят
 сквозным мостом кипучим,
а мёртвые – о берег бьются пеной...
Ах, эти бабочки!
 Для пляжников – беда!

Куда ни сядешь,
куда ни ступишь –
оставишь след.

В нём крылышек слюда...

**СУРГУЧ
НА СВИТКЕ ВРЕМЁН**

* * *

Твоя любовь
да пребудет во мне,
вонзённая по рукоять.
Твоя любовь
научила ноты чужие не брать,
а ещё – возвращаться любым
на круги своя.
Только где они теперь? Помоги!
У пространства –
новые ярлыки,
имена героев, порядковые номера,
выпрямляющие круги.

Всё равно...
Всё, о чем умолчала твоя любовь,
покусывая платок,
просоленной банданы край, –
никудашный я бумеранг –
даже в воздухе найду буерак,
а чтобы на родимый порог...
Так вот, выбирай:
отпускать или не отпускать.

Но твоя любовь
пребудет во мне,
вонзённая по рукоять.

* * *

Нашла я подкову на счастье,
и, судя по форме подковы,
счастье – точно не птица,
определённо не лошадь.
Да разве могла бы лошадь
ускользнуть незаметно?

С тех пор брожу я по свету
с диковинною находкой.
Кому примерить подкову?
Не ты ли счастье, постой-ка!
Не ты ли счастье? Не ты...

А счастье мелькает некстати,
пугая чем-то знакомым,
суровым, как наши пейзажи:
ива, дорога, пурга.
И мне заморские страны
подмигивают лукаво.
Качается одиноко
сверкающая дуга.

Подкова моя, подкова...
Излучина в час рассветный,
извечный час расставанья...
Объятия смуглый серп...
Острый – зачем уходишь?
Тонкий – зачем? Не знаю...
И от улыбки млечной
исчезающий след...

* * *

А кто же ещё откровенней огня
о дереве, яблоке и цветке?

– Смерти-то нет, нет, нет... –
свищут на огненном языке,
потрескивают, причитают, поют,
шепчутся... уснуть не дают
дерево, яблоко и цветок.

Дерево, яблоко и цветок
сторя по прихоти, падая в срок,
заново учат язык земли.
Пластами
в неё голоса залегли.

Заново пробуют речь родника,
талого снега, побега, броска...
– Смерти-то нет, нет, нет...
Если бы в этом на всё был ответ!
под утро младенцы у вас на руках
лопочут на огненных языках.

* * *

О нелепая встреча,
временем схваченная за горло!
Как молчанье твоё
непритворно.

Нестерпимо.
Но я не желаю иного...
Губы – в губы.
Зачем же вклинивать
слово?

* * *

Сначала разноцветен, после – бел
китайский иероглиф наших тел.

* * *

Вот это метель!
Деревья бросаются жестами –
глухонемые
в порыве яростной ругани.
Ещё немного – и драка.
Птицы напуганы,
рассыпались бисером
и закатились под крыши.
А я...

Я нараспашку из дому вышла.
Выбежала – весела,
как будто помиловали
перед самым расстрелом.
И если смерть меня не взяла,
разве угробит
обыкновенная, белая,
бельма плящущая метель?
Просто ветер,
срывающий ставни с петель.
Ветер,
закрученный в хлётский жгут,
если меня
ждут?!

...И уже обжигая ладонь
о холод железа
благословенной входной
двери подъезда,
я замираю на этом изломе
льда и огня...
Боже, как повезло мне –
ждут меня.

* * *

Мелочь, пустяк, безделушка,
нефритовый срез –
тесный браслетик,
ловушка для женского пульса.
Под каблуками апрель
завертелся быстрее...
ах, только бы не опоздать
и не поскользнуться!

Разве так было? Когда?
Ностальгический ток
жилы обжѐг,
да на голых запястьях угас он.
Где-то теперь
мой потерянный край, уголок?
Как в завершении писем твоих
уголок,
в самом конце почеркушкой пера –
Жизнь прекрасна!

Это в предчувствии остром
ты крикнул – живи!
Будто бы знал,
как чужая весна безответна.
Необязательный, светлый
постскрипtum любви,
даже на письмах сожжѐнных –
постскрипtum любви.
Даже за письма сожжѐнные.
Даже за это.

* * *

Любовь моя, цвет зеленый...

Гарсиа Лорка

Когда, заострённый песней,
качается маятник лунный, –
царапинами на жести
молчат гитарные струны.

Иную музыку просят
вокзалы, навзрыд пустые,
из них венозные лозы
раздвоенные, стальные

ночью растут на запад,
роняя грохота гроздя,
и только туманов лапы
ловят эхо и звёзды.

Скорый, дай мне забыться
на берегу высоком,
лунная тень двоится,
срезанная осокой...

Кто растревожил заводь
ландышевой картечью?
Лозы росли на запад
и на восток, навстречу.

Ужасом близкой смерти
кто распалил объятья?
Будто бы губы эти
ищут противоядья...

ИСПАНСКИЙ МОТИВ

Полдень.
Гойю гложет сиеста.
Жёлтый призрак
в песке растворился.

Замер зной, как уставший оркестр.
Высохла музыка,
музыка снится,
и только

в полночь
выйдет она, чернея...
Гойя следит, помутнев рассудком:
вот она!
...Сжались пальцы, немея...
Вот она,
в лунном сиянье жутком
не оглянулась...

Минор летящий
переводя на язык графита,
Гойя
мучительно настоящий,
Гойя –
пронзительный взгляд
корриды.

* * *

Я не спеша
зачерпнула воды из ручья
детским ведёрком,
лет двадцать назад – голубым.
Сад мой запущенный...
Сад, не впустивший меня,
всё же раскроется
перед ребёнком моим.
Кто-то ведь должен
туда пробежать босиком
и за водою не раз
возвращаться назад.
Кто-то ведь должен
стараться полить целиком
детским ведёрком –
огромный запущенный сад.

* * *

Снова зритель театральный
понимает всё буквально.
Бутафорский снег мерцает,
револьвер находит цель:
деревянный, – он стреляет,
юный Ленский умирает...
Но – действительно! – не тает,
снег не тает на лице.

От волнения чуть не плача,
вздрагнул зал: вот незадача!..
А меня – не «пробивает»
(и не знаю почему).
...Пробивает снег секущий
над речную чёрной гущей.
Снег, не тая, пролетает
сквозь меня – во тьму, во тьму.

Только что же – над живою –
кто-то плачет надо мною?
Револьвер дымящим дулом
съел снежинки февраля,
ветер охнул, в кудри дунул...
Или кто меня придумал?
Что же вертится бесшумно
без меня
моя Земля?..

* * *

Артерия поэзии... пуста.
И запросто урезана до АРТa
в азартной беготне... И голос мой
ломается, как хворост под ногами,
не попадая в новый резонанс.
Но слышу я: во мне самой, вокруг,
кипучее отвердевает время.
И я стою, срастаясь с ним в одно.
Во мне гуляет гул и стон подземный
встревоженной системы корневой,

когда, живьём друг к другу притираясь,
скрежещут два пласта тысячелетий,
рождая неоткрытый материк.

* * *

Доверяю порыву.
Первому слову.
За основу
беру сокровенное первое слово.
То,
весною пропетое тихо
тебе одному.
Там,
на покато́м пустом берегу,
заслоняясь от ветра
крючкотворным
растянутым свитром
 (один на двоих!)
Просто
у арки открытой небесной,
просто
соприкасаясь плечами
в молчанье.
Слово...
Одно только слово.
Но я
доверяю ему.

* * *

Сырую, незавершённую Землю,
мою, хотя бы на миг,
Ты всё ещё лепишь, лепишь,
весной особенно, в мае.
И вся она в отпечатках светлых
 истаивающих Твоих...

...А говорят: яблони облетают...
Яблони облетают.

* * *

Март.
Горизонтальный снегопад.
Предмет
какой-нибудь 17 «Д»,
глядишь – и нет.
Опять
замёрзла горка, как гармонь,
и дети катятся гурьбой,
горизонтальный снегопад
не успевая оттирать
с лица...
Летят пунктиром деревца...
Спеша, прохожие кружат,
цветы
необычайной длинноты
в газетках бережно держа.
А снег, а снег со всех сторон...
– Скажите, где 17 «Д»?
– Да вот же он!

* * *

Жить-то как хорошо,
вот сейчас, когда слякотный снег,
перегарный душок
в переполненном этом автобусе...
Сотни слипшихся шуб
подняло на весенней волне,
Да и в синее море
унесло...
и унесло бы всех!
Мы ныряли бы рядом, –
морские несветские львы,
или даже касатки,
изящней красоток Парижа...
А и ладно, пускай,
не носить нам с тобой головы –
плыть-то как хорошо,
плавниками пространство колыша.

* * *

Дождь
хлещет в синюю куртку.
Дождь
не даёт догореть окурку.
Вниз
по бежевому этюднику
бежит вода.
Даль
сияет сильнее льда.

Берёза
молниеносно
в землю вошла
и замерла,
раскалена добела.

И я замираю, забросив этюды,
просто смотрю,
удивляюсь:
откуда
льётся вода,
такая знакомая глазу,
как слеза,
соединившая душу и небеса...

Боже...
сколько тебя сразу –
Там,
где просвета синяя полоса.

* * *

Кто-то должен витать в облаках,
кто-то за ногу дёргать обратно,
кто-то должен ходить в должниках,
чтоб кому-нибудь было накладно.

Мировых равновесий костяк
(этот стих в нём, конечно, не лишний)
покосился на стройных осях
от малюсенькой косточки вишни.

Это было... я помню тот день...
Для ружья не хватило заряда.
...Где ты бродишь, мой дивный олень
в ореоле вишнёвого сада?

* * *

Будет
и на моей улице
Питер.
Зря ли ветер
слёзы мои
вытер?
Только не знаю, *что*
озябшему сердцу милей:
пой, ласточка, пой
или *пей, ласточка, пей?*

Холодно.
Звонко и холодно.
Это сквозят поезда,
поезда уходят.
А значит,
нужно менять
имена, города, времена.
И всё же в последний момент
выскочить на
станции без названия.
И никому никуда
не названивать.

Пить
безымянный простор голубой,
жить —
пой, ласточка, пой.

* * *

Убереги, Господи, от сумы и тюрьмы,
уклоти список моих утрат,
вынь меня из похмельной тьмы...

А первая рюмка идет на «ура»,
а вторая, прицепом – «уж будь добра»,
а третья... третья берёт займы
у завтрашнего утра –
светлую головушку,
лёгкую ладонь,
лодочку-походочку,
глаза-огонь,
а ещё с мороженым
хрустящий рожок
забирает за должок.

Да было бы перед кем
прогибаться в долгу!
Уклоти, Господи,
список моих потерь...
Но четвёртая рюмка шепнёт:
«Ещё не теперь,
повремени, вернуть помогу –
светлую головушку,
лёгкую ладонь,
лодочку-походочку,
глаза-огонь,
а ещё с мороженым
хрустящий рожок –
забирай на посошок».

Опять наобещала, опять не отдала,
и на пятой пятерня
прилипает, как смола,
на шестой – всяк сверчок
забывает свой шесток...
И ещё, ещё, ещё, ещё один глоток.

И... где же ты, головушка?
Где же ты, ладонь,

Лодочка-походочка,
глаза-огонь?..
С тихим хохотом и свистом
смутная слеза:
где у этой тройки быстрой
золотые тормоза?!

А последняя рюмка
из такой выползает тьмы,
что шевелятся волосы на голове
у Неверующего Фомы,
разлепляются губы,
сяясь произнести
давно забытое имя:
Господи, пронеси!
Господи, пронеси мимо...

А последняя рюмка
по-своему щедра.
К бедному человечку
по-своему добра.
А последняя рюмка
не спросит ни гроша.
Всё, о чём она горит, —
душа...

* * *

Семечко клёна —
крылышко? След?
Определённого
у осени нет.

Беглые пятна —
снег или дождь?
С первого взгляда
весну не поймёшь.

Кажется, только что
плакал — и вот...
белое крошево...
крылышко... взлёт.

* * *

*Говорила бабушка моя
Сталину во сне:
мужа своего я не отдам
ни тебе, ни сатане!*

Нина Сухорукова

Мало было выстрадать войну?
Каждый жил, как мог.
Новый страх во сне и наяву –
чёрный воронок.

Где ты, Феодосий? Что с тобой?
Весь ли ты исчез?
Может разве устеречь конвой
душу от небес?

Именем чужим тебя кричат,
номером простым.
За тебя горит моя свеча,
за тобой одним
я останусь верною женой.
Бабий век сожжён...
Сколько под тюремною стеной
Скорбных верных жён!

Лишь бы дочь
другую знала жизнь...
От неё, отец,
к чёрствой пайке хлебушка держи
тонкий леденец.

Вот и всё, чем сладок нам с тобой
сизый дым побед.
Дым отечества летит над головой,
над сибирской просекой кривой,
будто нас и нет!

А и то: в дому или в дыму
нас дождёт режим –
Господу лишь только одному
мы принадлежим.

* * *

Сургуч на свитке времён
прочен только на вид.
Мчится поезд, а в нём
один-то вагон стоит.

Как это может быть?
Катятся все, а он —
древний дым ворожбы,
высохший лексикон.

Рядом поёт ресторан,
скрипит, гнусавит плацкарт.
Несётся зелёный ряд,
трясётся зелёный ряд,
а в нём-то один вагон,
в котором не говорят.

Я через него бегом,
а медленно, как во сне...
Я только одним глазком
в сумерки за окном...

Там пристальный свет луны —
обе её стороны.
Ни деревца, ни ветерка...
И слышно издали
тающий на лету
поезда перестук...

Вот-вот он исчезнет совсем,
и не исчезает никак.

ПЛАЧ

1

О, эти чёрные дни,
эти чёрные дыры...
Услышь меня, мама!
Оно
приходит за мной, а глаза его –
чёрные дыры,
могильные ямы.

Мамочка, мама, возьми меня за руку,
жалобный, жалкий, скукоженный,
я ж твой детёныш.
Я ж твой пушистик,
кружочек, квадратик,
пристыженный за беспорядок
и синюю вазу.

Вот я от страха глупею, икаю,
в колени твои утыкаюсь,
укрой меня, мама!

Чую мурашковым голым затылком –
Оно надвигается,
свиту свою собирает.
Да что ж им в земле не лежится
ни пухом, ни прахом!

Оно подступает, а слева, как шавку,
струнит на верёвке
заблудшую совесть мою –
где ж ты шлялась вчера...
А спроси её, мама!

Оно наползает, чернея глазами,
и я замираю, а чем откупиться?
Ни чином, ни саном, ни красным
дипломом – в такие бирюльки
оно не играет.

Как холодно, мама!
Запахло клеёнкой больничной,
по краю закрученной, твёрдой.
Как холодно, мама, как пусто...
Но, может, не поздно?

Помоги мне уплыть,
ускользнуть, улететь
по молочной реке,
калачиком в челноке.

2

Белая река.
Выше берегов – белые луга.

Губы трубочкой, ладони
тёплой лодочкой... позволь мне
мимо острова Буяна,
мимо цепкого бурьяна –
а не страшно, пусть репьями
обметает рукава...

Только пронеси
мимо пустоты,
безымянной бездны мимо,
белая река,
бережно, как мама на руках.

А студёная вода
смоет всю тоску-черноту,
парная вода
уймёт в костях ломоту,
а в железной затвердеет
вертикальный солнца скол.
А талая вода –
обновлённая душа...
Выше берегов
да на белые луга...
Выше берегов
унеси меня, река,
такой, какую мама нарекла.

Нет такого места, где, как прежде,
мокрая дубрава... на одежде
лист... ещё не жёлтый... Подожди же!
В волосах ещё... нагнись поближе...

Глупости какие! Даже страшно.
Нет тебя – и это всё неважно.
Или нет – важнее не бывает!
Исчезает образ, убывает.
Образ – ускользящее чудо.
Смерть – откуда?

Что теперь – жалейки да крючочки,
памяти зацепки – фотки, строчки.
Нет тебя совсем!

Катись, дубрава!

Вместе с пресловутой башней справа.
Ничего исправить мы не можем –
всё, Серёжа!
Всё, что пело, грело, стыло, жгло...
Вот он гвоздь – ничем не помогло.

Я не верю в перевоплощения,
я не знаю, что там будет после.
Быть бы возле, просто быть бы возле
в чёрный час, когда всего нужнее...
Поздно.

Как же так? Прости, не понимаю.
Будто глыбу к небу поднимаю...
А какое небо, Боже правый!
Чистое... где прервалась дубрава.

Небо – всё твоё... неосторожно...
Всё... Серёжа.

* * *

*Храму во имя Живоначальной Троицы
в Троице-Лыково, стоящему на берегу
Москвы-реки...*

Волны времени, как прежде,
Бела Лебедя качают
от отчаянья к надежде –
Троице Живоначальной.

В глубь Серебряного Бора,
в ширь московского простора,
в наши души льётся звон,
даже если разорён
храм... В пустые колокольни
небо... Небо видеть больно...
Льётся, льётся тихий звон...

Господи! Прости гордыню!
Звёзды кроткими свечами
окружают Храм во имя
Троицы Живоначальной.

Господи! Даруй смиренность!
Даже если храм разрушен,
из него растут деревья,
будто праведников души.

Сгинем мы... Уйдут другие...
Но на свет из тьмы печальной
нас возносит литургия
Троице Живоначальной.

* * *

Подумать только:
жёлтые, как в детстве...
бордовые, багряные, как в детстве...
и охристые... Вот слова какие
с деревьями я вынесла из детства.
А ничего с тех пор не изменилось!

Всё, что летело, пело,
жглось, кружилось
и смешивалось на земле пахучей,
став гнётом прошлогоднего листа,
бордовым да багряным назовётся,
забудешь – всё равно к тебе
вернётся,
попросится обратно,
на уста.

* * *

Роддом закрыт. И вот за лето
угас без вывесок фасад.
Никто не лепит изолентой
на стёклах номера палат.

Уже на плане реконструкций
здесь белый пластик и бетон.
Как много места развернется
на месте этого угрюмца,
реликта сталинских времён.

А по ночам – Мария, Стеша...
Надежда, Оленька, жена... –
приносит воздухом нездешним
уже нездешних имена.

И нет войны ещё в помине,
роддом сияет, как желток.
Весна, весна на середине,
бельё хрустящее в корзине
и ЗИСа пристальный гудок.

И в тесной операционной,
как тайный оттиск небеси,
иконою – проём оконный...
И в тесной операционной
душа

впервые
ГОЛОСИТ.

* * *

С лица рябины красной,
из памяти её
не позволяй напрасно
стереть лицо своё.

Не забывай горячий
невнятный разговор,
когда в снегу маячил
фонарь, почти не зрячий,
полночный крохобор.

...А ты увидишь горы.
Я помню уговор.

С кистей рябины страстной,
я знаю, не гадай:
романтика опасна,
как обещанье в рай.

Романтика опасна,
как в омуте звезда.
Но ты, ты ежечасно
со мной... Не думай! Да?

Держи меня в секрете
и в тайне от людей.
И ни за что на свете
мною не переболей.

* * *

В тишине, в тишине, в тишине
никого, никого... ничего.
Только книги... И те – ну и что?
И окно...

Где-то синие грозы цветут,
где-то белые люди идут,
и внутри этой всей красоты
где-то – ты.

Переклинило что-то не там
в механизме классических драм,
в силуэтах бродячих собак...
Что не так?

Это ты, это ты, это ты...
Так некстати родные черты.
Это я с опозданием в строку
за тобою бегу.

* * *

Милый, милый,
в раю обитает Орлан-белохвост
хранителем
тишины, белизны.
Тонкие веточки он собирает
для трехметровых гнёзд.
И – звёзд.
Оттого звёзд гораздо больше
с приходом весны.

Милый, *там* от огня остаётся
только тепло руки,
когда
мы помогаем друг другу
пересекать ручей.
И – достаточно.
И глаза Орлана внимательны,
глубоки,
сохраняя на дне золотистые искорки
наших дней и ночей.

И следы мы с тобой оставляем
даже в раю...
Тигрята
и медвежата бегут по пятам...
А о сыне своём затоскуешь –
я из первого снега слеплю...
Я люблю тебя.
Здесь мы ещё... там...

КОРЕНЬ ГОР

Туда,
 где первый огонь,
 первый бой барабанный
у подножия каменной бабы
с круглым,
 как мир,
 животом.

Золотистый стебель срежь на закате,
обнажая охотничий нож,
 самодельный, подаренный другом
 (на медведя, не меньше!),
так, чтоб солнце
 скользнуло по лезвию,
так, чтобы солнце
 полоснуло само...

Но ни листья,
ни корни, обвисшие в норы, –
ничего не бери!
Только стебель,
Несущий на свет
дождевые потоки обратно.

Стебель,
прозрачный, как солнца слеза,
разломи на ладони.
На вкус он горчит.
И – волнуяще,
смутно ещё
пахнет небом свободы...
нетронутым снегом свободы,
чёрным хлебом дороги.
И надо же, а...

Всё ещё начинается...

* * *

Я увидела тебя
на гребне прозрачной горы
в переплетении троп,
метафор и перевалов...
Будто бы кто
свежесть настезь открыл
и синева
контуры размывала.

А дороги перед тобой...
Что ты стоишь, беги!
Обрываются...
Вот тебе горный норов!
А дороги рушатся
в серебряные рудники
и сплетаются
в тёмных звериных норах.

Вся гора
со свистом летит куда-то,
только держись!
Поворачивается,
гремя костями рудокопов.
Разве можно
предсказать её виражи?
...А вокруг горы
облако ходит боком.

...Где ты будешь завтра –
это ещё вопрос,
если даже гора
подчиняется воле крыла...
Этот тлен и мусор,
слюда, гранит, купорос –
голубой хрусталик
в чутком зрачке орла.

* * *

Всё, чем земля нагретая красна, –
соль, солнце горное,
сон беглый на рассвете,
миндаль горчащих губ,
снегов блесна,
заброшенная, где уже весна
так глубока,
что затерялась в лете, –

всё это остаётся вопреки
дороге,
почерневшей и отпетой,
вокзалу, где
не протянуть руки
через стекло...
Стучитесь, мотыльки,
на сердца свет,
издалека приметный.

Качайся, перемётная сума.
Сходи с ума, качая головою.
Забуду ли, заплачу ли, завоюю...
Миндаль горчащих губ!
Перед тобою
прощальных слов
сгорают времена.

КРАСНОЯРСК – ОМСК

1

Отпуская меня,
напоследок,
город – горы
белой рукой милосердной
скрыл,
чтоб – как все...
Хороший ты мой!
Это вклинилось в самое сердце,
это прочно
на моей, сокровенной, неполной ещё
карте мира значитя –

вверх течёт Енисей,
вверх течёт Енисей...
Вверх...

как на вокзале
плачется.

2

Проводник!
Спасибо за отсыревшие простыни.
Глядя, как мельчают холмы,
вся – горю.

3

Дай мне верхнюю боковую
вдоль окна,
чтобы кроме неба вздрагивающего
никто
укрупнённое моё прощание
да ещё
пальцы, содранные до крови
(да, вот так),
не заметил,
не узнал,
не пресёк.

Сбоку чая и нечаянных.
Не хочу
для попутчиков перетирать
города,
кто-куда-откуда... Что?
Проводник,
он-то знает обо мне,
но молчит.

И такая тишина в душе –
сладко терпеть,
будто голыми руками
намытая соль.
Дай мне верхнюю боковую
неба вдоль.
Только не теперь ещё,
не теперь!

* * *

За окном вагонным светает
потихонечку, не всерьёз.
Встречный поезд... а в нём мелькает
двадцать пятый кадр берёз.

Отпечтался на сетчатке,
пролетел, как неясный сон...
Всё в порядке, мой друг, в порядке,
просто дробно дрожит вагон.

Просто клацает и грохочет
не закрытая плотно дверь.
И мерещится между прочих
двадцать пятый кадр потерь.

СНЫ НА СКЛОНЕ ВУЛКАНА

Сиреневая ли, седьмая?
В зависимости от пространства
растущая?.. Нет, я снимаю
с горы обязанность меняться

в угоду колеру и счёту.
На плоскости – как иностранка
незримую ведёт работу
гора, гора – огня огранка.

Уснёшь ли ты на склоне этом –
вулкана, сердца, страсти жадной,
когда, по косвенным приметам,
смерть соберёт слепую жатву?

Проснёшься ли, когда из пепла
(века – не в счёт, века – рутина)
сады цветущие облепят
вулкана склон – необратимо...

в лозе янтарной, виноградной,
узнаешь ли любви начало?
И тень прохладная – наградой
тебя встречает...

* * *

Потому что мой корень – *гор*,
потому что мой друг – звонарь,
я ещё люблю... До сих пор.
И смотрю с колокольни вдаль.

Оглушённая высотой,
по железной лестнице – вон,
приголубленная тобой
колокольный не помню звон.

Но, проси меня, не проси,
(то, что отдано, – не вернёшь)
прорезается в страсти – синь,
холодеющая, как нож.

* * *

Ультра неба,
умбра охра бора
смешиваются на склоне горном.
По ущелью, сдавленному горлу,
только ветер

орро – марра – орро.

Недра гор
в себе сжимают кремни,
лезвия гранита жарко-жарко
друг о друга

орро – марра – орро.

Тесен камень,
тесен, тесен, тесен...

Скол скалы...

Огонь свободен –

марра!

Торро, горный ветер,
торро, торро!

* * *

Здесь когда-то пожар бушевал,
а теперь – сухостой
засеребрил
висок зелёной горы,
и особенно ясно, как седина,
в сумерках светится память
о прошлом...

ДОЛИНА КАРАКОЛЬСКИХ ОЗЁР

1

Русалка
высокогорных озёр
вырастает не больше ладони
женской.
А рыб
в озёрах, текущих из ледника,
просто не существует.

Откуда взялась
утиная семья на Караколах, –
мне не известно,

но поднимаясь до снега
и оборачиваясь,
(а долина прогибается чашей,
а вода просматривается до
крупнокаменистого дна), –

я видела клинообразные волны
от четырёх уток,
пока они не исчезли,
пока туман
и сами озёра не скрыл.

Как холодно на уровне снега в июле!
Вблизи удивляешься –

снег
покрыт каменистой серою пылью
не сплошь, а подобно
чешуе серебристой рыбы.

А говорила, рыба на Караколах
не водится!

Просто она,
не достигая воды,
остаётся в снегах.

Камень, который я обняла,
чтобы не съехать
по скользкому склону –
немигающий рыбий глаз.
Он видел меня вблизи.
Видел то облако, то меня.
Настолько плотно
небо подходит к горе,
чем выше гора.

Никакой ностальгии!
Если я там была –
вечно пребуду там,
и маленькие зверьки,
что пищат при появлении человека, –
привыкнут ко мне.

2

Ручьи...
У каждого свой
тембр – не тембр... наречие...
Когда пропадает в расщелину –
будто бы поезд идёт.
По крупным камням –
низкий гул.
Бубен цыганского табора –
издалека...
Вблизи – потрескивание костра,
только быстрее и громче.

Да!
У воды и огня
есть одинаковые,
обоюдоострые слова.

И это
бубен и табор, и поезд подобны
речи ручьёвой,
а не наоборот.

А ручьям не до нас.
Они пересекаются, переговариваются,
не зная, где нарекутся рекой.

Туман... иначе слишком подробно
камешки вижу на дне.
Один поднимаю...
округло пятнистый, как птичье яйцо.

Высыхая,
камень меняет цвет.

РУСАЛКА

Здесь тоже ночь, но хвойная до жути,
до глубины, где каждый ствол шершав.
Кому бы только в том глухом безлюдье
её обнять, ладони ободрав.

Холодный камень, но не тот,
бетонный,
прямоугольный, как бы ты ни льнул,
а над водой – луною закруглённый,
а под водой – взволнованный валун.

И вдоль него на небо взгляд глубокий
рассеянно и медленно течёт
из озера, где не хватает лодки,
застывшей в середине,
как зрачок.

* * *

Надо было дождю...
А крышу-то прободило!
Надо было
очнуться в четыре утра...
Будто качнуться
зеленоватой волной Катуня,
ледяной
накрываясь волной
Катуня...
волноваться, как в первый раз.
А по цвету – молодой малахит, –
кто-то в лодке
удивился из нас.
А кто-то
скомандовал резко – *табань!*
Для новичков:
бью по шлему веслом,
это приказ рулевого –
гребь назад!
Перевернёшься – весло береги,
твое продолжение во времени
и в воде.
Левый борт, вперёд!
Я сказал – вперёд!
Правый борт!
Иначе скала
нас перейдёт вброд.

Оттого, что предмет дробит,
а слово – течёт.

Шепотом
перекрывая Катуня раскат,
кто-то
повторил для меня – *табань!*
Властно,
как над постелью расслабленного
говорят –
встань!
Илья поднимается так,

что половицы скрипят.
А я
против течения времени поворачиваю.
Согреваюсь,
в грудь упирая весло.
Обратно,
к истоку
лодку мою повело.

Оттого, что слово течёт,
а предмет – дымит,
верхний предел горы
облаками размыт.
Эхо дальней грозы
соразмерно вдоху.
Катунь прибывает...
И на самом пороге, свече, вираже
горы над нами
соразмерны душе.

* * *

*Книга – пробный шар,
дробью о крыло...
А стихи кружат
вольно, весело...*

*Белые стихи,
ультрафиолет.
Книга – мастихин.
Лишнего здесь нет.*

*И на образце
(о другом – забудь!)
мы в одном лице
собраны, как ртуть.*

*Полностью – не здесь
снег меня возьмёт.
Лист, летучий весь,
книгой обернёт.*

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Беликов.

Опоздавший успевае........3

НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ ТВОЙ ПЕЙЗАЖ

«Время от времени...»	6
«Незамысловатый Твой пейзаж...»	7
«Рассвет не жалеет спелых...»	8
«Не вернуть под корень стёртого карандаша...»	8
«Если что не так – друзья простят...»	9
«Я не очень-то нынче жирую...»	9
Ещё не вышедшим в тираж	10
«Как вовремя нам отключили свет!...»	10
Котёнок	11
«Спичкою – чирк!...»	12
«Однокрылая бабочка – дверь...»	12
«Это станет землёй...»	13
«Лёд тронулся...»	14
«Ключи, потерянные осенью...»	14
«Руки любимого...».....	15
«Это между ударами пульса...»	16
«Суховой меня сморил»	16
«А в последнюю ночь приходит она, печаль...»	17
«Связь обрывается сотовая...»	18
«Молчание в духоте...»	18
«Как же мы хищно друг друга при встрече не ценим!...»	19
«...вот мы с ним притулились...»	19
«Слова лиши и хлеба...»	21
«Солнечно день завершается...»	21
Последний день лета	22
«Я только подумала – “Слишком тепло...”...»	22
Зимнее	23
«А не плохо бы вдвоём...»	23
«Небо белое, пустое...»	24

«Куда в шестнадцать лет уходит кошка?...» ..25
«В четыре утра телефонный рожок...»26
«Снежные мосты воздушные...»26
«Спасу нет от милых мелочей...»27
«Я не знаю, не знаю...»28
«В сторону зимы, разлуки вдоль...»29
«... на Урале тонкий снежок...»29
«Давно прошёл назначенный мне час...» ..30
«Это чистая радость побега...»30
«Дождливо где-то там...»31
«Острее тоска такая...»32
«Но будет день, распахнутый глубоко...» ..32
«Возле брошенного дома...»32
«Женщина должна благоустроить дом...» ..33
«Всё, что восходит долго...»34

Готика

1. «Я хочу запомнить, как шевелится ложь...»35
2. «Смерти нет, наверное...»35
3. Чёрнорабочий36
4. Нынче ангел за мной прилетал, да поднять не смог...»38
«Спасение в солнце и в снеге сухом...» ..38
«Око моё – тайга...»39
«А я раздарила картины...»39
«В который раз всё заново начни...»40

ФИО ЛЕТА

Джазовая импровизация42
Дом у дождя43
Художнице44
Ретро44
Грустная песенка на весёлый мотив45
«Лето, лето, головокружение...»46
«Картина не продана...»46
Июль в Омске48
Старая крепость49
«“Подарок на счастье – не трудно!”...»49
«Железные локти меня охраняли в метро...»50
«Маскарад»51

«Всё по шесть рублей...»	52
«Вот мы, ценители сонетов...»	53
«После бури...»	53
Год 2009	54
«Омск...»	55
«Какое шикарное лето...».....	55
«Открой глаза, не спи...»	56
«Дрогнула мокрая цветущая сирень...» ...	57
«Не медли...»	58
Ромашковое поле	58
Чудесная дуда	59
«Дочку пораньше домой позвала...»	60
Ай-ки	
1. «Третий день...»	60
2. «Пятый день...»	61
3. «А всё-таки хорошо...»	61
4. «О, если бабочки – так сразу целой тучей...»	62

СУРГУЧ НА СВИТКЕ ВРЕМЁН

«Твоя любовь да пребудет во мне...»	64
«Нашла я подкову на счастье...»	64
«А кто же ещё откровенней огня...»	65
«О нелепая встреча...»	66
«Сначала разноцветен, после – бел...»	66
«Вот это метель!...»	66
«Мелочь, пустяк, безделушка, нефритовый срез...»	67
«Когда, заострённый песней...»	68
Испанский мотив	68
«Я не спеша зачерпнула воды из ручья...» ..	69
«Снова зритель театральный...»	70
«Артерия поэзии... пуста...»	70
«Доверяю порыву...»	71
«Сырую, незавершённую Землю...»	71
«Март. Горизонтальный снегопад...»	72
«Жить-то как хорошо...»	72
«Дождь хлещет в синюю куртку...»	73
«Кто-то должен витать в облаках...»	73
«Будет и на моей улице Питер...»	74

«Тополь, тополь...»	75
«Убереги, Господи, от сумы и тюрьмы...» ..	76
«Семечко клёна...»	77
«Мало было выстрадать войну?..»	78
«Нет такого места, где, как прежде...»	82
«Сургуч на свитке времён...»	79
Плач	
1. «О, эти чёрные дни, эти чёрные дыры...»	80
2. «Белая река...»	81
«Волны времени, как прежде...»	83
«Подумать только: жёлтые, как в детстве...»	83
«Роддом закрыт. И вот, за лето...»	84
«С лица рябины красной...»	85
«В тишине, в тишине, в тишине...»	85
«Милый, милый, в раю обитает Орлан-белохвост...»	86

КОРЕНЬ ГОР

«Под топот каурых, гнедых, вороных...»	88
«Найди золотистый стебель...»	88
«Я увидела тебя...»	90
«Всё, чем земля нагретая красна...»	91
Красноярск – Омск	
1. «Отпуская меня...»	91
2. «Проводник! Спасибо за отсыревшие простыни...»	92
3. «Дай мне верхнюю боковую...»	92
«За окном вагонным светает...»	93
Сны на склоне вулкана	93
«Потому что мой корень – гор...»	94
«Ультра неба...»	94
«Здесь когда-то пожар бушевал...»	95
Долина Каракольских озёр	
1. «Русалка высокогорных озёр...»	95
2. «Ручьи...»	96
Русалка	97
«Надо было дождю...»	98
«Книга – пробный шар...»	98

Литературно-художественное издание

Вероника Владимировна Шелленберг

СНЫ НА СКЛОНЕ ВУЛКАНА

Книга стихов

Редактор О.Г. Даниленко

Корректор

Дизайн-верстка Е.А. Пичугиной

Подписано в печать

Формат 110x200. Бумага офсетная.

Гарнитура Arial Narrow. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано

*Вероника Владимировна
Шелленберг
Родилась в Омске в 1972 г.
Окончила Литературный
институт им А.М. Горького.
Лауреат ежегодной
областной литературной
молодёжной премии
им. Ф.М. Достоевского
(1998). Дипломант
Всероссийского
литературного конкурса
им. В.П. Астафьева (2006).
Лауреат городского
поэтического конкурса
профессиональных авторов
"Омские мотивы" (2008).
Публиковалась в журналах
и альманахах: "Арион",
"День и ночь", "Дети Ра",
"Сибирские Афины",
"Сибирские огни", "Урал",
"Омская муза", "Складчина",
"Иркутское время", "Лоза",
"Москва", "Голоса Сибири",
"Стороны света",
"Литературный Омск",
"Сияние лиры".
В антологии современной
русской прозы и поэзии "Лёд
и пламень" (Москва, 2009).
Автор стихотворных
сборников: "Если б не ты..."
(1998), "Рождение" (1999),
"На языке огня" (2004),
"В такой погожий вечер"
(2006), "Одно только слово"
(2006), "Полосатая корова"
(стихи для детей, 2009).
Член Союза российских
писателей.*